

Ляман БАГИРОВА

В ночь с 14 на 15 июля 1904 года врач швейцарского курорта Баденвейлер Эрика Шверера вызвали к заболевшему иностранцу. Номер на втором этаже был слабо освещен.

На белоснежных простынях лежал страшно худой, мертвенно-бледный человек, с огромными костистыми руками и очень узким лицом. Это был Чехов.

цы". Потом резко очнулся и впервые сам попросил послать за врачом.

Шверер, осмотрев больного, развел руками. И отозвал женщину в коридор: "Ваш муж умирает, сударыня".

Чехов будто услышал эти слова (или предчувствовал их?..), улыбнулся, сел на кровати и произнес по-немецки (он знал по-немецки очень мало): Ich sterbe ("Я умираю").

Доктор принялся успокаивать его и велел подать шампанского. Чехов понял. Он был врач и знал старинную врачебную традицию. У постели умирающего коллеги врач непременно предложит шампанского, чтобы сделать уход того более легким и светлым...

Чехов выпил весь бокал до дна, сказал: "Давно я не пил шампанского", - повернулся на левый бок и умер.

Ольга Леонардовна не заметила, как он перестал дышать, потому что прогоняла непонятно откуда появившуюся в комнате огромную черную бабочку, обжигающую крылья о раскаленное стекло электрической лампы. Даже сейчас она не верила,

пускаться в путешествие - это безумие".

А может, это не было безумие? А просто жажда жизни?..

Судьба napоследок еще раз выкинула странную штуку. Бред Чехова об устрицах оказался пророчеством. Из Баденвейлера в Москву его тело привезли в поезде №1734 в вагоне для перевозки устриц.

Многие усмотрели в этом издевательство судьбы. Но, скорее всего, никакой мистики не было. Во времена истории писателя не все поезда были оснащены холодильными установками, они были редки и предназначались только для перевозки дорогих продуктов. А Чехов умер летом...

Но одно точно: уход Чехова был словно списан с его пьес. Тех самых, которые не особо принимали современники и которые до сих пор больше всего ставят на мировых сценах.

Тех самых, которые он деликатно называл "комедиями" и которые по сути являлись трагедиями.

Но трагедий так много в жизни, а Чехов не считал себя вправе предла-

А. П. ЧЕХОВ

Врача встретила плачущая, напугавшая женщина, жена больного. Ей наконец удалось втянуть отпуск и вывести мужа за границу. К тому времени они поменяли уже несколько курортов и гостиниц. В одной из гостиниц им даже отказали от места: больной беспрерывно кашлял и мешал покою отдыхающих.

В этом последнем своем припадке Чехов метался в бреду, разговаривал с каким-то японским матросом, несколько раз повторял слово "устри-

что ее муж может умереть. Ольга Леонардовна слишком любила жизнь, слишком ждала и верила в увлывимость счастья...

Но счастье неуловимо, и бабочку так и не удалось выпнать, а еще через несколько минут со страшным звуком вылетела пробка из недонитой бутылки шампанского...

Позднее Шверер писал в воспоминаниях: "О нем говорят, это великий писатель. Возможно, но при этом он очень плохой врач. В таком состоянии

грать зрителю трагедию. Он смягчал страшное. Но разве от этого менее горько от его ухода?..

И разве менее пронзительно звучат слова, в которых он, обычно такой сдержанный, выплеснул боль своего сердца:

"Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбочкой - и отдохнем.

Я верую, дядя, я верую горячо, страстно... Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка.

Я верую, верую... Мы отдохнем!"